

Государственная политика по развитию науки в российских вузах: уроки 90-х

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-76-90

Дежина Ирина Геннадиевна – д-р экон. наук, руководитель Аналитического департамента научно-технологического развития, ведущий научный сотрудник, ORCID: 0000-0002-3402-3433, Research ID: F-7485-2014, i.dezhina@skoltech.ru

Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

Адрес: 121205, г. Москва, Большой бульвар, 30, стр. 1

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

***Аннотация.** В статье анализируется опыт развития науки в вузах в первое постсоветское десятилетие, которое осуществлялось через государственные программы разного уровня. После распада СССР ситуация в российской науке была тяжёлой, обусловленной резким сокращением бюджетного финансирования при незначительности других источников поддержки, начавшимся оттоком научных кадров и иными диспропорциями. Исследования, проводившиеся в вузах, составляли не более 10% всей российской науки. Научная деятельность для вузов не была основной, за исключением небольшого числа ведущих университетов. При этом именно вузы занимались подготовкой кадров высшей квалификации, что стало создавать угрозу кадрового кризиса для всей сферы науки. На государственном уровне был выбран подход, состоявший в точечных мерах по поддержке вузовской науки на основе целевых программ с акцентом на фундаментальные исследования. Цель статьи состоит в выявлении и систематизации основных факторов, которые в наибольшей мере повлияли на состояние и развитие науки в вузах по итогам реализации таких программ. Исследование базируется на анализе литературных источников, статистических данных, а также интерпретациях результатов опросов тех лет. Показано, что эффект программ был скромным, не изменившим масштабы вузовской науки в стране. Факторы, которые неблагоприятно отразились на реализации целевых программ, были связаны с нормативно-правовыми ограничениями, неоптимальным выбором направлений поддержки, недофинансированием и его распылением, недостаточным учётом профиля прошлой научной деятельности вузов. Вместе с тем программы 90-х гг. дали толчок к обсуждению концепций исследовательских университетов, что в дальнейшем существенным образом изменило ландшафт и результативность вузовской науки в стране.*

***Ключевые слова:** наука в вузах России, российские университеты, интеграция науки и образования, государственные программы, государственная политика в сфере науки*

Для цитирования: Дежина И.Г. Государственная политика по развитию науки в российских вузах: уроки 90-х // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 76-90. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-76-90

Russia's State Policy on the Development of Science at Universities: Lessons from the 90s

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-76-90

Irina G. Dezhina – Dr. Sci. (Economics), Head of the Analytical Department for Scientific-Technological Development, Leading Researcher, ORCID: 0000-0002-3402-3433, Researcher ID: F-7485-2014, i.dezhina@skoltech.ru
Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia
Address: 30, bld. 1, Bol'shoy Bul'var, Moscow, 121205, Russia
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
Address: 36, Lenina ave., Tomsk, 634050, Russia

Abstract. The article discusses the influence of state programs on research development in Russian universities in the first post-Soviet decade. After the USSR collapse the conditions for doing research in Russia worsened significantly due to a sharp reduction in budget funding with unessential other sources of support. Research conducted in higher education institutions was a small fraction of the entire system, and involvement in science was not among the primary activities of universities, except for a small number of leading universities. At the same time, mostly higher education institutions were responsible for training of highly qualified personnel. This discrepancy posed a threat for the science system. At the state level, a number of separate targeted programs was initiated, with an emphasis on fundamental research in universities. The aim of the article is to identify and systematize, in the framework of these state programs, the main factors affected the development of science in higher education institutions. The research methods include literature review, analysis of statistical data, and interpretations of surveys conducted in the 90s. It is shown that the programs' results were modest and did not change the scale of university science in the country. The hampering factors were associated with regulatory and legal restrictions, sub-optimal choice of areas for support, underfunding and dispersion of financial support, and insufficient consideration of the former research specialization of universities. At the same time, these programs gave impetus to the discussion of the concepts of research universities, which later were implemented.

Keywords: research at higher education institutions of Russia, Russian universities, integration of research and education, state programs, state policy in science

Cite as: Dezhina, I.G. (2023). Russia's State Policy on the Development of Science at Universities: Lessons from the 90s. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 7, pp. 76-90, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-76-90

Введение

Первое постсоветское десятилетие было сложным для сферы науки, но именно тогда закладывались основы для её развития в вузах, и тогда же на государственном уровне

стали постепенно меняться взгляды на то, какой должна быть вузовская наука в новых экономических условиях. В настоящее время начинается в чём-то похожий процесс – на этот раз происходит ревизия прежних под-

Таблица 1

Динамика показателей науки в России, 1991–2000 гг.

Table 1

Dynamics of science indicators in Russia, 1991–2000

	1991	1993	1995	1997	1999	2000
Ассигнования на науку из средств федерального бюджета, в % к ВВП	1,85	0,91	0,54	0,39	0,50	0,47
Суммарные расходы на науку из всех источников, в % к ВВП	1,43	0,77	0,85	0,99	1,06	1,05
Число исследователей на 10 000 экономически активного населения, чел.	108	80	60	60	78	75
Число исследователей, в % к предыдущему году	88,5	80,2	98,7	93,9	100,8	101,3

Источники: Наука России – 1994. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 1995, с. 105; Наука России в цифрах: 1996. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 1996, с. 24, 38, 40, 85; Наука России в цифрах: 2000. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2000, с. 28, 42, 45, 133; Наука России в цифрах: 2002. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 2003, с. 28, 42, 45, 129.

ходов к поддержке научных исследований в связи с новыми задачами технологического развития (задачами достижения технологического суверенитета). При этом ситуация 90-х и современная противоположны с точки зрения направленности движения. Тогда было стремление адаптировать зарубежные подходы, сейчас развитие происходит в условиях серьёзных внешних ограничений. Однако интерес представляет то, что в обоих случаях оперативный поиск решений был в условиях внешних шоков. Опыт 90-х гг. может показать на концептуальном уровне то, какие факторы важны для развития и не должны игнорироваться.

После распада СССР внутренние затраты на исследования и разработки в России радикально сократились. Если в 1990 г. они составляли 2,7% ВВП, то к 1993 г. упали до 0,77% ВВП¹. Численность исследователей падала значительно медленнее, но направленность процесса была стабильной (табл. 1).

Ситуация в вузовской науке тоже не была оптимистичной. Более того, вузовская наука,

игравшая второстепенную роль в деятельности вузов, потенциально могла быть утеряна быстрее, чем в других секторах. В советский период произошло самое глубокое в истории страны отделение науки от образования [1]. В послевоенное время началось массовое создание вузов, ориентированных на подготовку большого количества кадров для производств с невысоким техническим уровнем [2]. К моменту распада СССР вузовская наука представляла собой самый небольшой сектор науки, ориентированный преимущественно на прикладные исследования и разработки [3], в том числе по договорам с промышленными предприятиями.

В начальный постсоветский период наука в вузах продолжала относиться к основным видам деятельности. Введённый Законом 1992 г. «Об образовании»² механизм аккредитации вузов, который в 1996 г. был уточнён в Законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»³, не учитывал научно-техническую деятельность в комплексной оценке работы вуза. Поэтому

¹ Российский статистический ежегодник: 2000. Статистический сборник. М.: Росстат, 2001, с. 252; Наука России в цифрах: 1996. Статистический сборник. М.: ЦИСН. 1996, с. 38.

² Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 07.07.2023).

³ Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/ (дата обращения: 07.07.2023).

Таблица 2

Динамика численности исследователей и расходов на исследования и разработки в вузовском секторе науки России

Table 2

Dynamics of the researchers number and expenditures on research and development in the higher education sector in Russia

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность исследователей, тыс. чел.	63,0	46,8	38,2	35,5	33,2	31,7	28,3	28,2	28,3
Численность исследователей, в % ко всем исследователям в стране	7,8	7,3	7,3	6,8	6,8	7,0	6,8	6,7	6,6
Внутренние затраты на исследования и разработки, в % к суммарным затратам в стране	5,7	5,6	5,9	5,4	4,8	5,4	5,2	4,8	4,5
Внутренние затраты на исследования и разработки в постоянных ценах 1989 г., млн руб.	185,1	169,9	172,9	134,5	131,3	160,3	133,3	136,6	151,1

Источники: Наука в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: ВШЭ, 2005, с. 103, 287–288.

вузовская наука осталась небольшой частью науки страны. В 1992 г. вузовская наука по численности исследователей составляла 7,8% от всей российской науки, а по объёмам затрат на исследования и разработки – 5,7% (табл. 2). При этом стоит отметить, что к лицам, занимающимся научной работой, стали относить только исследователей, а профессорско-преподавательский состав не входил в категорию научных работников. Правда, в то время их вовлечённость в исследования действительно была небольшой: в 1996 г. 32,1% профессоров и преподавателей проводили научные исследования, а к началу 2000-х гг. – всего 16,2% [4]. Безусловно, было несколько ведущих вузов, в первую очередь МГУ и СПбГУ, где научные исследования, в том числе фундаментальные, всегда были сильными [5–7].

Позиции научных работников в вузах заполнялись почти наполовину за счёт совместителей [8], что ещё больше ослабляло этот сектор. Объём внутренних затрат на исследования и разработки в постоянных ценах сокращался в вузах до 1997 г., затем стал постепенно расти, но к 2000 г. достиг только 81,6% от уровня 1992 г.

Несмотря на слабость научной базы и малую вовлечённость преподавателей в исследования, именно на вузы приходился основной объём подготовки кадров высшей квалификации. В 1991 г. вузы обеспечивали 60–70% численности, приёма и выпуска из аспирантуры и докторантуры, а к 1997 г. этот показатель уже превысил 80%⁴. К 2000 г. подготовку аспирантов на базе собственных аспирантур проводили 538 вузов, тогда как научная деятельность велась лишь в 384 вузах⁵. Аспиранты очной формы обучения мало участвовали в научно-исследовательской деятельности. По оценкам исследователей [9], если в конце 1980 – начале 1990-х гг. в научные исследования было вовлечено более 70% аспирантов дневного обучения, то затем этот показатель снизился в 3–4 раза. Такая динамика была угрожающей как для системы воспроизводства научных кадров, так и для науки в целом.

На этом фоне происходил поиск путей развития науки в вузах. Именно тяжёлое положение в науке было главным стимулом к поиску решений; ориентации на западные модели вузовской науки тогда ещё не было. Основные меры были направлены на раз-

⁴ Экспресс-информация ЦИСН «Мониторинг реформирования российской науки», 11.12.1997.

⁵ Высшее образование в России – 1999. Статистический сборник. М., ЦИСН. 1999, с. 66; Экспресс-информация ЦИСН «Мониторинг реформирования российской науки», 09.03.2000.

ного рода организационные оптимизации путём слияний, присоединений, а также поощрения кооперации научных секторов. В рассматриваемое десятилетие наиболее заметной была президентская программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы»⁶, которая стала своего рода триггером, дав толчок к обсуждению концепций «исследовательского университета».

В данной статье рассматриваются основные направления государственной политики по развитию вузовской науки первого постсоветского десятилетия с акцентом на анализ эффектов интеграционных процессов. Основной задачей было выявление и систематизация основных факторов, которые в наибольшей мере повлияли на состояние и развитие науки в вузах по итогам реализации государственных инициатив. Исследование базируется на анализе литературных источников, статистических данных, а также интерпретациях результатов опросов тех лет.

Направления преобразований в вузовской науке

Несмотря на слабость вузовской науки, в её организации и специализации были черты, которые помогали ей приспособиваться к меняющимся экономическим условиям. Во-первых, исследовательские подразделения вузов были малочисленными и мобильными, ориентированными на выполнение небольших проектов. Поэтому введённая с

1992 г. грантовая система финансирования науки оказалась для таких коллективов наиболее органичной. Во-вторых, вузы имели опыт выполнения работ по заказам предприятий. В структуре источников финансирования исследований и разработок в вузах доля хозяйственных договоров составляла 33,4%, тогда как по науке в целом – 16%⁷. В последние годы существования СССР вузовские исследования ориентировались на помощь производству для «повышения производительности труда и качества продукции»⁸. Поэтому у вузов были навыки поиска внебюджетных источников финансирования, что в условиях кризиса федеральной поддержки имело важное значение, даже при снижении спроса промышленности на исследования и разработки.

Такие факторы, однако, мало принимались во внимание, а на законодательном уровне вузовская наука скорее игнорировалась. Так, согласно Федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике» (1996)⁹ университеты не имели права именоваться организациями, занимающимися научно-исследовательской деятельностью, и, как следствие, не могли получать бюджетное финансирование на эти цели. В такой нормативно-правовой среде возобладал путь «точечных» изменений, в том числе в рамках отдельно инициированных государственных программ.

Первая трансформация была организационной и касалась юридического включения научно-исследовательских институтов (НИИ) при вузах в их состав. НИИ при вузах

⁶ Утверждена Указом Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 903.

⁷ Данные за 1996 г. Источники: Research and Development in the Russian Higher Education Sector. Data Book. Moscow: CSRS. 1998, p. 70-71; Наука России в цифрах – 1998. Статистический сборник. М.: ЦИСН. 1998, с. 47.

⁸ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении роли вузовской науки в ускорении научно-технического прогресса, улучшении качества подготовки специалистов» от 20 мая 1987 г. № 203. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2069#ewsrsiTMxbHRniY91> (дата обращения: 06.07.2023).

⁹ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 06.07.2023).

имели статус юридического лица, но после принятия в 1995 г. Гражданского кодекса РФ началась реорганизация НИИ путём их присоединения к вузам. Этот опыт показал, что научная деятельность, которая ранее велась в автономных НИИ, иногда «растворялась» в вузе и суммарный потенциал не рос, а наоборот снижался. Потеря автономии НИИ означала и ослабление связей с промышленностью. Ранее НИИ вузов как отдельным юридическим лицам было проще взаимодействовать с предприятиями, поскольку они могли оперативно и самостоятельно принимать решения. Для вузов такие потери не были ощутимыми, поскольку наиболее выгодным было оказание платных образовательных услуг, доходы от которых были значительно выше, чем от научной работы.

Обсуждался и более радикальный тип слияний – университетов и институтов Российской академии наук (РАН) путём присоединения институтов к университетам либо создания университетов в системе РАН. Данная идея была отражена ещё в советской «Концепции совершенствования управления научно-техническим прогрессом в условиях радикальной экономической реформы» (1990) [10]. Там говорилось о возможности создания вузов на базе известных научных центров, а также научных центров на базе крупных университетов. Этот подход критиковался как представителями вузов [11], так и Академии наук. Действительно, в системе РАН не было развитой инфраструктуры образовательной деятельности, и, кроме того, присоединение вузов к РАН было чревато потерей целостности образовательных программ вузов. Обратный подход, заключающийся в присоединении НИИ к вузам, на примере поглощения вузами своих НИИ показал, что к усилению научной составляющей в вузе это не приводит.

Второе направление изменений было связано с целью развития фундаментальных исследований в вузах. В 1992 г. появилась межвузовская программа «Университеты

России». Её инициатором выступил ректор МГУ им. М.В. Ломоносова, и он же возглавил её Головной Совет. Отбор проектов был внутриведомственным, и основное финансирование (около 75% средств программы) было выделено на направление «Университеты как центры фундаментальных исследований». В нём ставилась цель усилить связи между вузовскими учёными, занимающимися фундаментальными исследованиями, а также поддержать научные школы в университетах. Усилить связи планировалось не столько за счёт проведения совместных исследований, сколько путём участия в семинарах и научных конференциях в рамках программы. Фундаментальные исследования вузы должны были проводить самостоятельно, а их результаты – обязательно использовать в учебных программах.

В 1997 г. эта программа была преобразована в новую, где цель поддержки фундаментальных исследований была уже вынесена в название: «Университеты России – фундаментальные исследования». Программа была рассчитана на 1998–2000 гг. и помимо развития фундаментальных исследований ставила задачи поддержания базы для их проведения в вузах и сохранения научных школ. По сути, основная цель состояла в сохранении научного потенциала преимущественно классических университетов, где уже была фундаментальная наука.

В новой конфигурации программы экспертную оценку проектов стали проводить не внутриведомственно, а с привлечением институтов РАН. Действовало 11 координационных советов при значимом перекосе в сторону МГУ как инициатора программы: при нём было создано 9 советов. В результате почти 35% всех проектов выполнялись в МГУ, и туда было направлено 34% всего финансирования программы. Иногда программу неформально называли «Университеты России – фундаментальные исследования МГУ» [12].

Итоги программы за 10 лет, перечисленные в работе [13], свидетельствуют о скром-

Таблица 3

**Число статей в реферируемых журналах в расчёте на инициативный проект РФФИ
(по проектам, законченным в 1997 г.)**

Table 3

Articles in refereed journals per RFBR project (for projects completed in 1997)

Область наук	Публикационная активность по РФФИ в целом, публикаций / проект	Публикационная активность по проектам, где вузовские коллективы сотрудничали с исследователями из академических организаций
Математика и механика	3,1	7,1
Биология и медицинская наука	2,9	6,0
Химия	3,6	5,6
Физика и астрономия	3,5	5,0
Науки о Земле	2,5	3,3

Источник: Дежина И., Минин В., Либкинд А. Нужно ли и как объединяться? // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 12–20.

ности достигнутых результатов. В программе приняло участие 17 тыс. человек из 160 вузов, результатом чего стало 40 тыс. публикаций. Таким образом, в расчёте на одного участника было опубликовано 2,4 статьи за 10 лет.

Не исключено, что такой результат также стал толчком к поиску иных путей усиления фундаментальной науки в вузах, приведший к идее их интеграции с академическими научными организациями. Несмотря на то, что неформальные связи были всегда, они в основном строились на обмене кадрами [14], взаимодействия были ситуационными [15] и слабыми [5]. Однако к середине 90-х гг. проявилась эффективность инициативного сотрудничества академических НИИ и вузов благодаря появлению грантовой системы финансирования. Совместные работы исследователей из вузов и академических институтов по грантам, которые выделял Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), стали наиболее результативными во всех областях наук [16], с точки зрения

числа публикаций в реферируемых журналах (табл. 3).

На государственном уровне интеграция вузов и академических НИИ стала поддерживаться с 1997 г. через Президентскую целевую программу «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» (далее – «Интеграция») ¹⁰. Программа в первую очередь была нацелена на повышение качества образования, что должно было способствовать и развитию науки: «Программа направлена на углубление и расширение взаимодействия академической и вузовской науки, повышение качества образования с целью сохранения и развития научно-технологического потенциала страны».

Ключевым элементом Программы стало создание учебно-научных центров (УНЦ), основанных на сотрудничестве вузов с академическими организациями в области обучения и фундаментальных исследований. Поскольку основной фокус программы был на совершенствовании образовательного процесса, то и центры получили название

¹⁰ Позднее Программа получила статус Федеральной целевой и стала называться «Интеграция науки и высшего образования в России», согласно Постановлению Правительства РФ от 5 сентября 2001 г. № 660 «О федеральной целевой программе «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 годы»», однако в начале 2000-х свернулась из-за дефицита финансирования.

учебно-научных (а не научно-образовательных). На их поддержку было выделено около 80% суммарного финансирования Программы «Интеграция». При этом подразумевалось, что фундаментальные исследования проводят преимущественно академические организации, а вузы с ними интегрируются через подготовку кадров для науки. Перед центрами были поставлены следующие основные задачи:

- подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов на соответствующих факультетах и кафедрах вузов, в научных подразделениях, на базе которых образован УНЦ;
- проведения фундаментальных и прикладных исследований по тематике УНЦ совместно научными организациями и вузами;
- повышения качества подготовки специалистов и научно-педагогических кадров в высшем учебном заведении путём привлечения профессорско-преподавательского состава, аспирантов, докторантов и студентов высшего учебного заведения к проведению исследований, выполняемых УНЦ, совершенствования учебно-методического обеспечения учебного процесса силами профессоров и преподавателей вуза и сотрудников научных подразделений, участвующих в работе УНЦ;
- использования результатов исследований в учебном процессе.

В Программе предполагался постепенный переход от простых форм сотрудничества при сохранении автономии организаций к более глубокой кооперации, которая может привести к организационно-экономическим преобразованиям [17]. Таким образом, идея слияний и присоединений была перенесена на будущее, но не отвергнута полностью.

Изначально понятие УНЦ не было чётко определено, поэтому появились разнообразные формы взаимодействия. Сотрудничество осуществлялось как в рамках какой-либо одной научной проблематики, так и по целому спектру научных дисциплин; при этом УНЦ создавались как на уровне «ка-

федра – лаборатория», так и на межинститутском уровне, когда в состав одного УНЦ входило несколько вузов и академических организаций. При этом было два основных пути формирования УНЦ – на базе вузов (80% созданных УНЦ) и академических организаций (20%). При организации УНЦ на базе академической организации важным фактором было наличие уникального научного оборудования, которым академические институты были в среднем оснащены лучше вузов.

Всего было создано 157 УНЦ, из них более половины – в Москве и Петербурге. И в этой программе МГУ стал лидером по числу центров: в нём было образовано 12 УНЦ.

Оценки результатов интеграции

Условием программы было сотрудничество по крайней мере одного вуза и одной академической организации, однако распространёнными стали комплексные проекты, где число взаимодействующих вузов и организаций могло достигать до двух-трёх десятков. Сотрудничающие институты могли располагаться как в одном городе, так и в соседних и даже отдалённых друг от друга регионах (например, Петербург – Новосибирск). Чаще всего взаимодействовали кафедры вузов с лабораториями НИИ, создавая совместные научные или учебно-научные лаборатории.

Основные эффекты Программы были связаны с подготовкой кадров. У вузов, благодаря сотрудничеству с академическими НИИ, улучшались условия обучения студентов и аспирантов, а учёные из академических институтов получили возможность через образовательный процесс отбирать для себя молодых исследователей.

Участие студентов и аспирантов в работах, проводимых в УНЦ, положительно повлияло на их решение заниматься наукой: большинство планировало продолжать участие в научных исследованиях. При этом значительно возросла эффективность работы аспирантуры. Если в среднем выпуск из

аспирантуры с защитой диссертации составлял к концу 1990-х гг. около 25%¹¹, то среди аспирантов-участников УНЦ доля защищающихся доходила до 100% при среднем показателе, равном почти 50% [18].

В то же время более половины молодых участников УНЦ выражали интерес к продолжению обучения и последующей научной карьере за рубежом. Действительно, после кризиса 1998–1999 гг. в российской науке материальные условия были неблагоприятными, а будущее самой Программы неопределённым. Её финансирование было урезано более чем наполовину от плана, утверждённого Постановлением Правительства «О федеральной целевой программе “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы”» от 09.09.1996 № 1062. Кроме того, согласно письму Министерства финансов РФ, финансирование программы «Интеграция» осуществлялось только по статьям «зароботная плата» и «начисления на заработную плату». Поэтому средств на покупку приборов и оборудования, проведение экспедиций и полевых работ и иные расходы не было.

Неслучайно поэтому главным фактором, препятствовавшим развитию УНЦ, участники программы посчитали недостаточное финансирование. Это отметили более 60% руководителей, исследователей, преподавателей и аспирантов-участников УНЦ [18]. Скрамное финансирование сказалось на многих аспектах деятельности, включая возможности расширения академической мобильности и развития международного сотрудничества. Последнее ослаблялось и из-за плохого владения преподавателями и исследователями английским языком, что было отголоском прошлой закрытости науки [19]. Вместе с тем в наиболее успешных УНЦ средства Программы никогда не были единственным источником их поддержки. Помимо диверсификации источников фи-

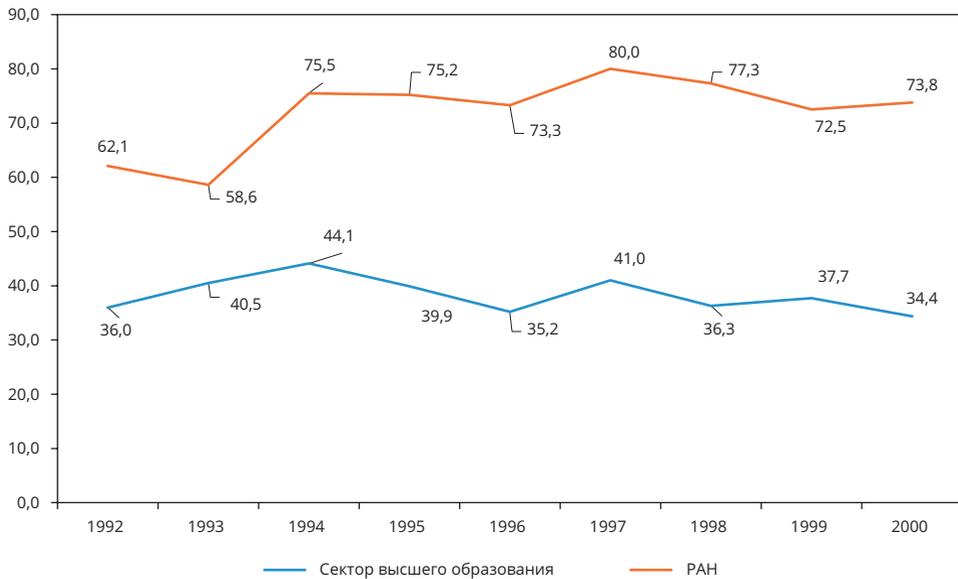
нансирования для них была характерна и высокая академическая мобильность.

Вторым ограничивающим фактором было отсутствие чётких правовых основ работы УНЦ. Центры не имели юридического лица, и сохранялись ведомственные барьеры между НИИ и вузами. Помимо этого юридически не были определены понятия «совместная лаборатория», «совместное использование приборов» и другие, отражающие организацию и суть кооперационных связей [14]. Финансирование поступало в головную организацию, которая нередко большую часть средств тратила на собственные нужды. Единого плана деятельности УНЦ не было и администрации центров, в правовом смысле, не существовало. В некоторых УНЦ были созданы Советы, но они выполняли рекомендательные функции.

Третьим ограничивающим фактором было отсутствие у вузов и академических институтов стремления к более тесной интеграции. Каждая сторона предпочитала сохранять автономию. Это было в том числе связано с теми условиями, в которых находились научные сотрудники и преподаватели. Для преподавателей ведение научной работы не входило в число основных должностных обязанностей и формальные требования по проведению исследований были сильно занижены. Они выражались в объёмах финансирования, которое каждый преподаватель должен был привлечь за год, и были очень щадящими. Требуемый объём легко обеспечивался участием в небольшом гранте или хоздоговорной работе. При этом базовая оплата преподавателей в вузе была в разы больше, чем в исследовательских подразделениях, но и лекционная нагрузка очень высокой. Всё это снижало стимулы к научной работе именно у преподавателей.

В свою очередь для академических работников преподавание не было среди приоритетных видов деятельности. За преподавание по совместительству была низкая оплата, а с

¹¹ Высшее образование в России – 1999. Статистический сборник. М.: ЦИСН. 1999, с. 67.

Динамика удельного веса фундаментальных исследований в секторе высшего образования и РАН, в % от общих объёмов исследований и разработок, выполняемых в каждом из секторов

Dynamics of the share of fundamental research implemented in the higher education sector and the RAS, % of the total amount of R&D performed in each of these sectors

Источники: Наука в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: ВШЭ, 2005, с. 236, 321; Наука России: 1994. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 1995, с. 122.

появлением грантовой системы многие эффективные академические учёные вышли на хороший уровень зарплаток [20], что ещё более снизило мотивацию к преподаванию.

В итоге фундаментальные исследования по-прежнему выполнялись преимущественно в академическом секторе, а в структуре научных исследований вузов не стало больше фундаментальных работ. Доля выполняемых в вузах фундаментальных исследований в общем объёме таких исследований в стране упала с 16,7% в 1992 г. до 12% в 2000 г.¹² Внутри самого вузовского сектора доля фундаментальных исследований колебалась, достигнув максимума в 1994 г. (44,1%) и минимума – в 2000 г. (34,4%). После начала реализации программы «Интеграция» видимых изменений в удельном весе фундаментальных исследований в структуре ву-

зовской науки не произошло. Одновременно в РАН удельный вес фундаментальных исследований оставался высоким: к 2000 г. он составлял 73,8% (*рис.*).

Тем не менее Программа способствовала развитию системности в сотрудничестве между НИИ и вузами и переводу его с единично-инициативного на регулярное деловое на ясной финансовой основе. Кроме того, к 2000 г. стало понятнее, что наука в вузах может развиваться не только через сотрудничество с научными организациями, но и самостоятельно в рамках отдельно взятого вуза, и началось обсуждение необходимости учёта научной деятельности вузов при их аккредитации.

Однако главным эффектом рассмотренных программ развития вузовской науки можно считать то, что они дали толчок к

¹² Наука в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: ВШЭ, 2005, с. 136, 319; Наука России: 1994. Статистический сборник. М.: ЦИСН, 1995, с. 119.

распространению и утверждению в стране идеи «исследовательского университета» [3]. Своё влияние оказало и начало активного изучения к концу 90-х зарубежного опыта создания исследовательских университетов [21]. Первые концепции «федеральных исследовательских университетов» предполагали, что данный статус получат вузы, которые являются центрами науки в регионах и смогут генерировать научные школы в других университетах. Региональному аспекту придавалось большое значение [22], поскольку в столичных городах была хорошо развита сеть академических научных организаций, а в регионах вузы были центрами образования и науки. При этом была осознана важность поддержки не только фундаментальных, но и прикладных исследований, равно как и развития международной кооперации [6].

Выводы

В первое постсоветское десятилетие на государственном уровне было реализовано несколько подходов к развитию науки в вузах. Несмотря на отдельные успешные практики все инициативы имели скромный успех и не повлияли существенным образом на структуру научной деятельности в стране. К основным факторам, которые оказали влияние на результаты, можно отнести следующие.

1. Не было стремления изменить основные функции акторов научной системы, и поэтому сохранялось отделение образования от науки. Программы, направленные на интеграцию, были точечными и плохо встраивались в базовые нормативно-право-

вые условия работы вузов. В них не закладывалась «революционирующая» повестка: каждый занимался тем, что делал раньше, поэтому не сформировалось стимулов к серьёзному росту научной производительности в вузах.

2. В качестве приоритетного направления поддержки была выбрана фундаментальная наука в вузах, при игнорировании их опыта в прикладных исследованиях. При этом ведущие, «элитные» университеты всегда проводили фундаментальные исследования, поэтому акцент мог быть смещён на региональные вузы, но этого не произошло, хотя внимание к фундаментальным исследованиям и возросло в вузах-участниках. Одновременно не предпринимались попытки задействовать прежние навыки работы вузов по договорам, создать стимулы к партнёрству с промышленностью. Такая программа появится только в 2010 г.¹³, когда многое уже будет утеряно.

3. Программы хотя и были статусными (целевыми, федеральными), но хронически недофинансировались, а ориентация всех программ на поддержку фундаментальных исследований ограничивала возможности привлечения внебюджетных средств.

4. По программе «Интеграция» было распыление средств, когда выбиралось много участников при малом финансировании и даже недофинансировании. Это привело к скромным результатам. По программам-предшественницам, наоборот, было смещение в обратную сторону и наблюдалась скорее концентрация средств для поддержки небольшого числа элитных вузов, что также оказалось контрпродуктивным, как любые крайности.

¹³ Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 218 «Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств и Положения о проведении конкурса на определение получателей субсидий из федерального бюджета на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств».

5. Во всех программах в той или иной степени закреплялась монополия ведущих вузов на определение организационно-финансовых параметров реализации инициатив. Характерна роль МГУ как в программе «Университеты России – фундаментальные исследования», так и в программе «Интеграция». Такой подход усиливал региональные диспропорции развития вузовской науки.

Однако программы интеграции не прошли бесследно. Интеграция, которая изначально развивалась в форме вузовско-академических партнёрств, затем способствовала росту внимания к развитию науки внутри вузов. Это проявилось в зарождении концепций исследовательских и федеральных университетов, где значение науки в вузах было поднято на принципиально новый уровень. К концу первого десятилетия наметился и отход от идеи поддержки исключительно фундаментальных исследований.

В дискуссиях того времени о том, каким образом должна развиваться исследовательская база вузов, сосуществовали две противоположные позиции. Одна состояла в том, что поддержка должна быть сосредоточена в элитных вузах, поскольку именно там существуют материальная база и научные школы [5; 7]. Впоследствии именно этот взгляд и возобладал, реализовавшись в появлении особых статусов университетов и Программе 5-100.

Другая точка зрения заключалась в том, что поддержка должна оказываться в первую очередь региональным вузам, у которых есть определённые успехи в научной деятельности. Сторонники этой позиции исходили из того, что если продолжать преимущественную поддержку элитных университетов, то это ещё больше увеличит разрыв в уровне научных исследований в разных вузах [22]. В дальнейшем такой подход был опробован на примере программы «Фундаментальные исследования и высшее образование», маломасштабной (в вузах было создано 16 научно-образовательных центров), но результативной [23].

В перспективе сегодняшнего дня к этому подходу тяготеет программа «Приоритет-2030».

Сегодня интеграция науки и образования актуальна в работе консорциумов, которые будут заниматься исследованиями и разработками для обеспечения технологического суверенитета. Важным становится не только проводить поисковые, практико-ориентированные исследования, но и готовить кадры под новые задачи. При этом наметился перекос в сторону прикладных исследований, что может оказаться так же контрпродуктивно, как и акцент на фундаментальные исследования в 1990-х. Поэтому важно учитывать уроки прошлых программ и стремиться к соблюдению разумных пропорций в поддержке разных вузов и видов исследований.

Список литературы

1. *Grabam L.* Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Cambridge University Press, 1993. 321 p. DOI:10.2307/3107280
2. *Молодин В.И.* Основные принципы интеграции Сибирского отделения РАН с высшей школой // Научное ведомство. 1999. № 1. С. 68–76. EDN: ZAAHVZ.
3. *Езев С.В.* Концептуальное обоснование создания новых образовательных форм в системе вузов России и проблема федеральных исследовательских университетов, предпосылки концепции исследовательских университетов // Подготовка научных кадров в системе высшего образования России. Сб. обзоров: отв. ред. А.И. Ракитов; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям, Центр информатизации, социал., технол. исслед. и науковед. анализа. М., 2002. С. 136–154. EDN: RBLMUN.
4. *Гохберг А.М.* Наука и образование в России: пути интеграции // Финансы: теория и практика. 2006. № 1–2. С. 71–77. EDN: HTLEZN.
5. *Майер Г.В., Зигченко В.И., Ребушкин А.С.* «Академический университет» как модель интеграции фундаментальной науки и элитарного образования // Известия высших учебных заведений. Физика. 1998. № 9. С. 3–7. EDN: ZBOVXN.
6. *Журавлев В.А.* Классический исследовательский университет: концепция, признаки,

- региональная миссия // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2 (13). С. 25–31. EDN: HTNJCT.
7. *Памятных Е.А.* Классический университет как научно-образовательное учреждение // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 6. С. 52–56. EDN: PIUBGT.
 8. *Гусев А.Б.* Современный профиль вузовской науки в России и перспективы его изменения // Управление наукой и наукометрия (Наука. Инновации. Образование). 2012. № 2. С. 28–54. EDN: RKNUEZ.
 9. *Гохберг Л.М., Кузнецова Т.Е.* Вузовская наука: перспективы развития // Высшее образование в России. 2004. Т. 3. № 4. С. 107–120. EDN: IBNAZR.
 10. *Семёнов Е.В.* Концептуальные основы государственной научной политики в постсоветской России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2008. Т. 3. № 1. С. 12–37. EDN: JWQTWB.
 11. *Стфонгин Р., Максимов Г.* Опыт интеграции науки и образования // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 2–14. EDN: IBLSVZ.
 12. *Дежина И.* Наука в российских вузах: что делается сегодня для её поддержания и развития? // Науковедение. 1999. № 4. С. 121–143.
 13. *Близняков Н.М., Листенгагтен В.С.* Программа «Университеты России»: гуманитарный раздел // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 3–6. EDN: TNSQNZ.
 14. *Бабушкин А.Н., Борисов С.Ф.* Университеты и РАН: возможности и тупики сотрудничества // Университетское управление: практика и анализ. 2007. № 3. С. 59–62. EDN: LEVFLR.
 15. *Китова Г.А., Кузнецова Т.Е.* Интеграция науки и образования в экономике знаний // Информационное общество. 2005. № 5. С. 32–36. EDN: SRRWMD.
 16. *Дежина И., Минин В., Либкинд А.* Нужно ли и как объединяться? // Высшее образование в России. 2001. № 6. С. 12–20. EDN: JVSYED.
 17. *Шорин В.П.* Интеграция науки и высшего образования // Высшее образование сегодня. 2002. № 1. С. 2–9.
 18. *Дежина И.* Государственное регулирование науки в России. М.: Магистр, 2008. 430 с. EDN: SDQPIT. ISBN: 978-5-9776-0050-7.
 19. *Марджинсон С.* Российские наука и высшее образование в условиях глобализации // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 8–35. EDN: TDOCNX.
 20. *Белановский С.* Оценка состояния Российской академии наук. М.: ЦСР, 2005. URL: <http://www.polit.ru/dossie/2005/12/15/ran.html> (дата обращения: 05.07.2023).
 21. *Дежина И.* «Ведущие вузы» или «исследовательские университеты»? // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 9–17. EDN: IBNCRX.
 22. *Болдырев Н.* Может ли наука быть региональной? // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 80–85. EDN: IBMZSP.
 23. *Нешитов Ю.* Программа «Фундаментальные исследования и высшая школа» // Инновации. 2005. № 6. С. 79–85. EDN: KXWLF D.
- Благодарности.** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00048¹⁴.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023

Принята к публикации 02.08.2023

References

1. Graham, L. (1993). *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Cambridge University Press, 321 p., doi:10.2307/3107280
2. Molodin, V.I. (1999). Basic Principles of Integration of the Siberian Branch of RAS with the High School. *Naukovedenie*. No. 1, pp. 68-76. Available at: <https://www.sbras.ru/files/files/rep/rep1997/opi.html> (accessed 15.05.2023). (In Russ.).
3. Egerev, S.V. (2002). The Conceptual Justification for the Creation of New Educational Forms in the System of Russian Universities and the Problem of Federal Research Universities, Prerequisites of the Concept of Research Universities. In: A.I. Rakitov (Ed.). *Podgotovka nauchnykh kadrov v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii*. [Scientific Staff Training in Russia's

¹⁴ <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

- Higher Education System: Reviews]. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, 2002, pp. 136-154. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20264235_39025552.pdf (accessed 05.07.2023). (In Russ.).
4. Gokhberg, L.M. (2006). Science and Education in Russia: Ways of Integration. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. No. 1-2, pp. 71-77. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9204888_70802132.pdf (accessed 29.05.2023). (In Russ.).
 5. Mayer, G.V., Zinchenko, V.I., Revushkin, A.S. (1998). "Academic University" as a Model of Integration of Fundamental Science and Elite Education. *Russian Physics Journal*. No. 9, pp. 3-7. Available at: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=PkGrQSwAAAAJ&citation_for_view=PkGrQSwAAAAJ:qxL8FJ1GzNcC (accessed 29.05.2023). (In Russ.).
 6. Zhuravlev, V.A. (2000). Classical Research University: Concept, Characteristics, Regional Mission. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 2 (13), pp. 25-31. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9208682_84167001.pdf (accessed 29.05.2023). (In Russ.).
 7. Pamyatnykh, E.A. (2005). Classical University as Scientific and Educational Institution. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 6, pp. 52-56. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18222882_13100564.pdf (accessed 29.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
 8. Gusev, A.B. (2012). University R&D in Russia: Modern Profile and Transformation Perspectives. *Upravlenie naukoj i naukometriya = Science Governance and Scientometrics. (Science. Innovations. Education)*. No. 2, pp. 28-54. Available at: <https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2012/12.pdf> (accessed 05.07.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
 9. Gokhberg, L.M., Kuznetsova, T.E. (2004). University Science: Prospects for Development. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 4, pp. 107-120. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9573714_52268197.pdf (accessed 05.07.2023). (In Russ.).
 10. Semenov, E.V. (2008). Conceptual Basis of the S&T Policy in Post-Soviet Russia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organizations Research Journal*. Vol. 3, no. 1, pp. 12-37. Available at: https://iorj.hse.ru/data/2011/01/28/1208977303/Conceptual_Basis.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
 11. Strongin, R., Maximov, G. (2005). Opyt integratsii obrazovaniia i nauki [Experience in the Education and Science Integration]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 1, pp. 2-14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9571406_56988198.pdf (accessed 05.07.2023). (In Russ.).
 12. Dezhina, I. (1999). Science in Russian Universities: What is Being Done Today to Maintain and Develop It? *Naukovedenie = Sociology of Science*. No. 4, pp. 121-143. (In Russ.).
 13. Bliznyakov, N.M., Listengarten, V.S. (2004). Program "Universities of Russia": Humanities Section. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki = Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities*. No. 2, pp. 3-6. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2004/02/bliznyakov.pdf> (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
 14. Babushkin, A.N., Borisov, S.F. (2007). Universities and RAS: Opportunities and Deadlocks of Cooperation. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 3, pp. 59-62. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13289582_20771767.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ., abstract in Eng.).

15. Kitova, G.A., Kuznetsova, T.E. (2005). Integration of Science and Education in Knowledge Economy. *Informatsionnoe obschestvo = Information Society*. No. 5, pp. 32-36. Available at: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/74a5f1ab7f970f44c32571e300472ac6> (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
16. Dezhina, I., Minin, V., Libkind, A. (2001). Is it Necessary and How to Unite? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 6, pp. 12-20. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11686158_82027413.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
17. Shorin, V.P. Integration of Science and Higher Education (2002). *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*. No. 1, pp. 2-9. (In Russ.).
18. Dezhina, I. (2008). *Gosudarstvennoe regulirovanie nauki v Rossii* [State Regulation of Science in Russia]. Moscow : Magistr, 430 p. ISBN: 978-5-9776-0050-7. (In Russ.).
19. Marginson, S. (2014). Russian Science and Higher Education in a More Global Era. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No 4, pp. 8-35. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22736485_34589822.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ., abstract in Eng.).
20. Belanovsky, S. (2005). *Evaluation of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: TsSR. Available at: <http://www.polit.ru/dossie/2005/12/15/ran.html> (accessed 05.07.2023). (In Russ.).
21. Dezhina, I. (2004). “Leading Universities” or “Research Universities”? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 8, pp. 9-17. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9573829_24137704.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
22. Boldyrev, N. (2004). Can Science Be Regional? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No 12, pp. 80-85. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9573628_61954018.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ.).
23. Neshitov, Yu. (2005). Basic Research and Higher Education Program. *Innovatsii = Innovations*. No.6, pp.79-85. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12971845_55300424.pdf (accessed 04.07.2023). (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements: The research was supported by RSF No. 23-18-00048.

*The paper was submitted 10.07.2023
Accepted for publication 02.08.2023*